

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1963.1.06>

О КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

А. РЕЙЦАК

Опубликование труда Н. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху»¹ и выход в свет диссертации В. Христиани «О проникновении иноязычных слов в русский литературный язык XVII и XVIII вв.»² положили начало укоренившемуся в русской дореволюционной и советской, а также в западной лингвистической литературе мнению о том, что западные заимствования были в лексике допетровской эпохи представлены лишь редкими примерами и что их массовое проникновение в русский язык началось в эпоху Петра. Еще А. И. Соболевский³ и И. Огиенко⁴ в своих рецензиях на труд Н. Смирнова приводили целые списки слов, которые, по показаниям памятников, употреблялись в русском языке в XVII веке или даже еще раньше, однако приписываются Смирновым и Христиани Петровской эпохе. Но, тем не менее, это мнение, а также высказанная Н. Смирновым и В. Христиани мысль об исключительной роли польского языка, как проводника западноевропейских терминов в русский язык, повторяются настойчиво вот уже в течение полувека.

В ряде работ,⁵ вышедших в самые последние годы, на конкретных примерах убедительно показывается, что в интересах создания соответствующей действительности истории русской лексики, а также в интересах истинно научного освещения проблем, связанных с формированием русского национального языка, это застоявшееся мнение необходимо подвергнуть тщательной ревизии.

Поэтому представляется, что обращение к заимствованиям, проникшим в XV—XVII вв. в русскую лексику из германских языков, отвечает назревшим задачам отечественного языкознания.

¹ Сб. Отд. русского языка и словесности императорской Академии наук, т. LXXXVIII, № 2, СПб., 1910 (в дальнейшем НС.).

² W. Christiani, *Über das Eindringen von Fremdwörter in die russische Schriftsprache des 17. und 18. Jahrhunderts*. Berlin, 1906 (в дальнейшем ВХ.).

³ А. И. Соболевский, *Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху* Н. А. Смирнова. Сб. Отд. русского языка и словесности императорской Академии наук, т. LXXVIII, № 3, СПб., 1904, стр. 13—22.

⁴ И. Огиенко, *К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Великом*. Русский филологический вестник, т. LXVI, Варшава, 1911, стр. 352—370.

⁵ П. Я. Черных, *Очерк русской исторической лексикологии*. Древнерусский период. М., 1956, стр. 235.

Л. Гальди, *Слова романского происхождения в русском языке*. IV Международный съезд славистов. М., 1958.

М. Fogarasi, *Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488—1699)*. Studia Slavica Ac. Sc. Hung., t. IV fasc. 1—2. Budapest, 1958, S. 47—70.

Gerta Hüttl-Worth, *Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im 18. Jahrhundert*. Wien, 1956.

С целью выявления этих заимствований был изучен ряд памятников делового письма — сборников документов, касающихся дипломатических и торговых сношений Московского государства с германскими странами в XV—XVII столетиях.⁶ В результате сплошной расписки в этих памятниках обнаружено 465 германизмов. Свыше 300 из них, или приблизительно 70 процентов, датируется в этих памятниках раньше, чем это указано в словаре Фасмера, следующего, в основном, за Смирновым и Христиани, и в «Кратком этимологическом словаре русского языка», а также в различных зарубежных исследованиях последних десятилетий.⁷ Результаты изучения этих памятников, ввиду ограниченности их круга, следует расценивать, как предварительные, в которые, по мере привлечения других памятников упомянутого периода, будут внесены новые коррективы.

Руководящим принципом в исследовании служил для автора конкретно-исторический подход к изучению заимствованной лексики, против которого подчас грешат не только в зарубежной литературе, но, к сожалению, и в работах некоторых советских авторов. Конкретно-исторический подход к процессу заимствования сводится к соблюдению ряда моментов, которые будут рассмотрены ниже.

I

Реалистический взгляд на исторический ход процесса заимствования

Тот факт, что в небольшом круге памятников XV—XVII веков выявлено 465 заимствований из германских языков, уже сам по себе может служить доказательством против мнения о том, что в лексике русского языка допетровской эпохи западные заимствования были представлены лишь единичными примерами. Если к германизмам прибавить еще заимствования из польского языка, из латинского и других романских языков, а также западные угро-финнизмы и другие лексемы западного происхождения, бытовавшие в словарном составе русского языка в изучаемую эпоху, то в общей сложности количество русских лексем иноязычного происхождения составит весьма внушительную цифру.

Проникновение германизмов в русскую лексику рассматриваемой эпохи, по показаниям изученных памятников, словарей и исследований, иллюстрируется следующей таблицей.

Из таблицы вытекает, что XV век представлен лишь немногими заимствованиями. Некоторое увеличение наблюдается в последней четверти века. Это объясняется тем, что относительно некоторых текстов, в которых те или иные заимствования обнару-

⁶ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранцами, т. I—X, СПб., 1851—1871 (в дальнейшем ПДС); Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.-Л., 1954 (в дальнейшем ПСП); Русские акты Ревельского городского архива, изданные Археографической Комиссией под редакцией А. Барсукова, СПб., 1894 (в дальнейшем РАРГА); Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. Сборник документов. М.-Л., 1960 (в дальнейшем РШЭО); Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. П. Щербачевым. Русская историческая библиотека, т. XVI, СПб., 1897 (в дальнейшем РАКГА); Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским, изданные Археографической Комиссией. СПб., 1868 (в дальнейшем РЛА); Григорий Котошихинъ, О России въ царствование Алексия Михайловича. Изд. третье, СПб., 1884 (в дальнейшем ГКАМ).

⁷ M. Vasmer, Russisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Heidelberg, 1950—1956 (в дальнейшем МФ);

Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская, Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961 (в дальнейшем КЭС);

R. van der Meulen, De Hollandsche Zee- en Scheepstermen in het Russisch. Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam, Afd. Letterkunde. Deel X, Nr. 2, Amsterdam, 1909 (в дальнейшем РМ I);

R. van der Meulen, Nederlandse woorden in het Russisch. Verhandelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen. Afd. Letterkunde, Nieuwe Reeks, Deel LXVI, Nr. 2, Amsterdam, 1959 (в дальнейшем РМ II).

жены, нам лишь известно, что эти тексты относятся к XV веку. Поэтому обнаруженные в них заимствования включены в рубрику последней четверти века. То же самое относится к последней четверти XVI века.

Далее видим, что по количеству заимствований XVI век равен первой половине XVII века, а во второй половине XVII века в язык вошло вдвое больше заимствований, чем в первой половине XVII века. Резкое увеличение количества заимствований наблюдается с 1695 года, т. е. уже в собственно Петровскую эпоху. Это увеличение происходит, главным образом, за счет морских и военных терминов, а также за счет понятий, относящихся к общественно-государственному устройству. Все эти термины встречаются в статейных списках, касающихся Великого посольства Петра I, и среди них обнаруживаем немало таких, которые были в употреблении очень короткое время (типа «зейлмакар, блокмакар, металлмайстер, свертфиш» и т. д.).

1400— —1425	1425— —1450	1450— —1475	1475— —1500	1500— —1525	1525— —1550	1550— —1575	1575— —1600
5	2	1	21	13	4	27	63

XV век — всего 29

XVI век — всего 107

1600— —1610	1610— —1620	1620— —1630	1630— —1640	1640— —1650	1650— —1660	1660— —1670	1670— —1680	1680— —1690	1690— —1695	1695— —1700
7	24	47	9	17	41	48	24	19	15	76

I половина XVII в. — 104

II половина XVII в. — 223

Из всего сказанного вытекает, что в рассматриваемую эпоху, по мере учащения сношений с зарубежными странами, наблюдается постепенное, но неуклонное нарастание количества иноязычных заимствований, которое лишь в последнее пятилетие, в связи с конкретными событиями, делает резкий скачок на рубеже XVII—XVIII столетий.

*

Вторым вопросом, связанным с реалистическим взглядом на ход процесса заимствования, является вопрос о распространенности засвидетельствованных памятниками лексем иноязычного происхождения в речевой практике носителей русского языка.

Анализ исследуемых заимствований с этой точки зрения позволяет предложить их следующую группировку.

I Окказиональные заимствования — слова, появившиеся в памятниках случайно, ввиду неумения писца подобрать точное русское соответствие, которое, как правило, имеется (типа «грунбистер, глейцман» и т. д.). Таких лексем насчитывается около 20.

II Ситуативные заимствования — слова, употребление которых в русском языке обусловлено ситуацией в широком смысле этого слова. Эта группа распадается на четыре подгруппы:

а) территориально-ситуативные, т. е. распространившиеся в рассматриваемый период лишь в юго-западных и северо-западных районах страны, как, например, слово «штурман» в значении «кормщик», слово «фартук» в значении «передник», «крейда» в значении «мел», «ратуша», «дякать» и многие другие;

б) социально-ситуативные, т. е. названия различных предметов и понятий, ставших обыденными в жизни определенной социальной категории, как, например, слова «рюмка», «тарелка», «мартышка», «бант», «клеиноды», «рыцарь» и другие;

в) профессионально-ситуативные, т. е. лексемы, употребление которых обусловлено профессией той или иной категории лиц. Так, многие названия различных орудий и предметов труда, как, например, «роусталь», «штык» (кусок металла), «лупа» (болванка), «крумза», «кдюфт» и др., были известны лишь представителям соответствующей отрасли производства;

г) кондиционально-ситуативные, т. е. заимствования, употребление которых вызывается определенными условиями. Так, например, русские дипломаты именовали в течение долгого времени иностранцев, приставляемых к русскому посольству за рубежом для услуг, «комиссарами», а соответствующих лиц в России — «приставами»; лишь с течением времени, во второй половине XVII века, их и в России постепенно начинают называть «комиссарами». В эту подгруппу входят такие слова как «кухмистер», «канцлер» и др.

III Укоренившиеся заимствования — т. е. лексемы, служащие для обозначения предметов и понятий, прочно укоренившихся на русской почве в жизни и быту всех слоев населения по всей стране. В эту группу входят такие слова, как, например, «ярмарка», «карла», «кружка», «холст», «балка», «ирха», «стопка», «солдат» и многие другие, всего около 50 слов.

Если обратиться к такой лексико-тематической группе, как морские термины, относительно которых прочно укоренилось мнение, что они вошли в русский язык в Петровскую эпоху, то изученные материалы вносят в это представление значительный корректив. Целый ряд морских терминов засвидетельствован в рассматриваемую эпоху: адмирал — 1568 г. (Петровская эпоха)⁸, бот — XVI в. (XVII в.), буса — 1521 г. (1625 г.), галенок — 1649 г., дрягиль — 1530 г. (1571 г.), капер — 1697 г. (1720 г.) капитан — 1580 г. (1615 г.), ласт — 1488 г. (XVI в.), лихтер — 1698 г. (1724 г.), лоцман — 1683 г. (1701 г.), шкипер — 1566 г. (Петровская эпоха), шкута — 1651 г. (Петровская эпоха), штурман — 1566 г. (1697 г.), яхта — 1527 г. (XVII в.) и т. д. Тем не менее, эти поправки во времени появления перечисленных заимствований отнюдь не позволяют отнести их к укоренившейся лексике. Они, безусловно, являются принадлежностью группы, ситуативных заимствований, ибо могли быть распространены, во-первых, в северо-западных и северных районах страны и, во-вторых, в тех категориях населения, которые по роду занятий непосредственно сталкивались с морским делом (торговые люди, дипломаты), т. е., с одной стороны, входят в подгруппу территориально-ситуативных, а, с другой, — в подгруппу профессионально-ситуативных.⁹

Развитие морского дела в России, которому было положено начало в Петровскую эпоху, а также рост культуры лишь постепенно перевели часть лексем этой группы в категорию укоренившихся, причем некоторые морские термины, например, «дрягиль», «галенок» и ряд других, как и множество прочих профессионально-ситуативных заимствований, навсегда остались в сфере узко-терминологической лексики. Ввиду технического прогресса ее некоторая часть принадлежит к точки зрения современности уже к архаизмам.

Таким образом, нельзя не согласиться с И. С. Хаустовой,¹⁰ которая, указывая на то, что ряд заимствованных терминов появился в русском языке еще до Петра, подчеркивает при этом необходимость учета их активизации в языке начиная с Петровской эпохи. Вместе с тем, приходится решительно возразить М. Ф. Тузовой,¹¹ которая, опираясь на показания документов Булавинского восстания, утверждает, что заимствованные в допетровскую эпоху термины «вахмистр» (середина XVII в.),

⁸ В скобках дается общепринятая датировка.

⁹ Ввиду того, что множество ситуативных заимствований может быть отнесено к двум подгруппам, не представляется целесообразным давать цифровые данные о количестве лексем, входящих в ту или иную подгруппу ситуативных заимствований.

¹⁰ И. С. Хаустова, Лексика «Ведомостей» 1702—1703 гг. Рукопись диссертации. Л., 1958. Хранится в библиотечном фонде В. И. Ленина.

¹¹ И. Ф. Тузова, Русская военная лексика 2-ой половины XVII — I-ой половины XVIII в. Рукопись диссертации. М., 1955. Хранится в библиотечном фонде В. И. Ленина.

«батальон» (конец XVII в.), «инженер» (XVII в.) и др. стали общеупотребительными (разрядка моя. — А. Р.) лишь в XVIII в. Представляется, что показання документов Булавинского восстания еще не достаточное свидетельство в пользу того, что эти лексемы прочно укоренились в повседневной речевой практике всего русского народа.

II

Реалистический взгляд на процесс становления укоренившейся формы заимствований

Обращение к изученным памятникам XV—XVII веков позволяет внести поправки в этимологические справки целого ряда заимствований. Так, МФ I 522 указывает, что лексема «капитан» восходит скорее к ит. *capitano*, чем к польск. *kapitan* < ср.-лат. *capitaneus*, и вслед за ВХ датирует ее появление в русском языке 1615 годом; НС 132, датируя эту лексему XVII столетием, приводит два этимона — польск. *kapitan* и голл. *kapiteyn*; ССРЛЯ¹² V 777 отсылает к ср.-лат. *capitaneus* и к ПЛТ¹³ 1704 года.

ФК¹⁴ 348 воспроизводит реальный путь развития этой лексемы в западноевропейских языках: ср.-лат. *capitaneus* «руководитель, главарь» > ст.-фр. *capitaine*, ит. *capitano* ср.-в.-н. *kapitān* (XIII в.) «предводитель» > ит. *capitan* «водитель корабля» — 1507 г. ШЭС¹⁵ I 44 указывает формы этой лексемы еще в некоторых языках: шв. диал. *kaptin*, др.-сканд. *karifen* (*kapiteyn*), голл. *kaptein*, причем голл. форма, как правило, совпадает с нижне немецкой.

В изученных памятниках встречаются следующие примеры на эту лексему: «А на морь дей изымал толмача и людей каптейнъ Александръ Деренъ по Христофоровой грамоть . . . , а привель толмача Индрика и людей въ Капнагавъ» . . . ПДС I 833, 1581 г.; «И съ тьхъ галей приѣзжалъ на берегъ къ Петру Андрьянову каптейнъ Петръ Фрязъ» . . . РАКГА № 44, 1580 г.; «И вы о томъ посылали вашихъ карабелныхъ капитайновъ . . . въ Колу къ нашимъ къ приказнымъ людемъ» . . . РАКГА № 55, 1585 г.; «(о русских войсках) . . . и сверхъ наемныхъ денегъ пожаловалъ воеводу и полковниковъ, и капитановъ и ротмистровъ . . . по ихъ достоинству» . . . ПДС II 978, 1613 г., и т. д.

Приведенные примеры показывают, что впервые эта лексема засвидетельствована в документах, относящихся к контактам с датчанами, т. е. с нижне немецкой языковой областью. Первые русские фонетические варианты совпадают с голландско-нижне немецкой. Следовательно, первоисточником русской лексемы был голландский или датский язык. Вариант «капитан», заменивший в дальнейшем фонетический вариант «каптейнъ», не обязательно восходит к польскому *kapitan* с фиксированным ударением на втором слоге от конца. При допущении этой возможности мы должны допустить и перемещение ударения в русском на последний слог или же возвести русскую лексему к косвенным падежам польской лексемы. Эти операции представляются маловероятными в свете наличия ср.-в.-н. формы *kapitān*, в которой умляутизация подударного долгого «а», как и все фонетические процессы, могла произойти не одновременно по всей германской территории.

В пользу непосредственного возведения русского «капитан» к ит. *capitano* или же к ср.-лат. *capitaneus* нет ни лингвистических, ни исторических доказательств.

¹² Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1948.

¹³ Ф. Поликарпов, Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, еллино-греческих и латинских сокровищ. М., 1704.

¹⁴ F. Kluge, A. Götze, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1951.

¹⁵ E. Hellqvist, Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1957.

Сопоставление этимологических справок по тем или иным заимствованиям с примерами, выявленными в изученных памятниках, позволяет указать на целый ряд дублетных вариантов, восходящих к разным языкам и в конечном счете уступивших место одному из дублетов. К таким дублетным вариантам относятся: магазин-магазин, шкипер-шкипер, рынок-рынок, форитар-форейтор, стюк-штука, бинда-бинт, снур-шнур, кирха-кирка, стат-штат, арест-арешт и т. д.

*

Подчас, при наличии в языке фонетико-морфологических вариантов, восходящих к разным языкам, имеет место не вытеснение одного варианта другим, а их контаминация. В результате первоначальные варианты утрачиваются, и литературный нормой становится контаминативная форма. Это положение можно проиллюстрировать следующим примером.

В качестве этимона лексемы «штурман» различные источники приводят голл. *stuurman* (МФ III 432, ВХ 39, НС 339, РМ I 95, СРЯ¹⁶ IV 1004). Появление этого слова в русской лексике датируется всеми указанными источниками, кроме СРЯ, 1697 годом. Кроме того, МФ указывает, наряду с голландским этимоном, на ср.-н.-н. *stürman*.

В изученных памятниках, в РАРГА № 78 за 1566 год читаем: «... А шкиперъ дей на томъ корабльъ былъ Корнильсь Петровъ да стюрманъ Вулфертъ Лутманъ» ... Вариант «стюрман» наблюдается еще в конце XVII века (ПДС VIII 1156, 1697 г.; ПДС IX 916, 1698 г.), но в это же время встречается уже и вариант «штирман»: «... И естли въ ней капитаны, порутчики, шиперы, штирманы и матрозы, которые бѣ служили... на воинскихъ карабляхъ»... ПДС VIII 1015, 1697 г.

Вариант «стюрман» действительно восходит к голл. *stuurman*, в котором, по правилам германской фонетики, нет перехода *st > ft* (*ст > шт*). Если считать этимоном р. «штурман» голландско-средненижнегерманский вариант, то непонятным останется появление начального *шт-* в русской лексеме.

Русский вариант «штирман» восходит, по всей вероятности, к н.-в.-н. *Steermann* < ср.-в.-н. *stürmann*, со стяжением дифтонга при вхождении в русский язык. В результате контаминации вариантов «стюрман» и «штурман», а также ввиду сближения с лексемой «шторм», в тот период выступавшей и в значении «шторм», устанавливается современная форма «штурман».

К числу контаминативных образований принадлежат также выявленные в изученных памятниках лексемы «маршал, алебарда, галстук, лента, страус, штопор, шлюз, шомпол» и некоторые другие.

*

Как известно, иностранные слова поступают в заимствующий язык обыкновенно без внутренней формы, таким образом, принципиально не отличаясь от деэтимологизировавшихся исконных слов. Однако, в то время как деэтимологизировавшиеся исконные слова обычно именуют предметы и явления, хорошо известные носителям языка, заимствования нередко относятся к малоизвестным реалиям и поэтому порождают факты народной этимологии.

Ряд выявленных в памятниках заимствований выступает здесь в виде фонетических вариантов, отразивших народно-этимологические тенденции.

Так, ассонативные тенденции, т. е. лексическая ассимиляция, отражающаяся на звуковом облике слов, но не влияющая на их предметную отнесенность, проявляются в вариантах лексем «бургомистр» (д о л г о м е с т е р, б у й м и с т р, б о р м и с т р, п е р е м и с т р), «капитан» (к а п и т о н), «лоцман» (л ю т м а н), «гавань» (г а в о н), «маярь» (м о л я р) и т. д.

¹⁶ Словарь русского языка в четырех томах. М., 1957—1961.

По мере распространения этих заимствований в речевой практике и, в особенности, под воздействием иноязычной письменности, укореняется форма, близкая к транслитерированной.

Адидаевными тенденциями обусловлено появление вариантов лексем «бургграф», «ландграф» (бур гра б и й, ланд гра б и й < грабить), «конвой» (кон бой, ко но бой, кам бой < конь, бой), «ворвань» (вор в он ь < вонь), «смалчюг» (с мол чюга < смола), «брунатный» (б у р н а т ы й < бурый), «попугай» < голл. *parageei* (попугать), «прохвост» (прихвостень)¹⁷, «конверт» (вертеть до конца)¹⁷, «боханец» > «буханка» (бухнуть)¹⁷ и некоторых других.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что адидаевные варианты имеют больше шансов для укоренения, чем ассонативные, так как опираются на нечто общее в явлениях, наименования которых сближаются, хотя это сближение с лингвистической точки зрения произвольно, или же основывается на оценке явления.

По мере распространения соответствующих заимствований, большинство адидаевных вариантов также исчезает, укореняются лишь единичные (попугай, прохвост, конверт, буханка).

В результате народно-этимологического сближения у заимствования может появиться или «мотивированный» «корень» (долго м е с т р, лю т м а н), или «префикс» и «корень» (п р о х в о с т), или же оно может быть переосмыслено в «сложное слово» (конверт, конбой). Кроме того, в результате такого сближения целое слово может быть заменено исконным или же более известным заимствованием (чех, фурия).

Явления десемантизации, т. е. лексической ассимиляции, влияющей только на семантику слов, а не на их звуковой состав (типа «павильон» = это «тот, кто всеми повелевает»), в изученных памятниках не обнаружено.

III

Реалистическая оценка появлению заимствованной лексики в языке

Анализ выявленных в рассматриваемых памятниках германизмов с точки зрения языковых причин их заимствования показывает, что при вхождении в русский язык эти германизмы, удовлетворяя, во-первых, необходимости номинации новых предметов и понятий, служили наименованиями чужеземных реалий (как вошедших, так и не вошедших в российскую действительность), т. е. брали на себя функцию номинации новых видовых и родовых понятий, и, во-вторых, необходимости усовершенствования лексической системы языка, т. е. заменяли составной термин однословным (например, адмирал — воевода большой над суды), создавали однозначный термин (штурм — приступ) или неполный синоним.¹⁸

Поскольку в русском языке у многосложных слов нет ярко выраженной тенденции разлагаться на значащие элементы, существующей, по утверждению Э. Сэпира¹⁹, в немецком языке, или тенденции сохранять в словах четко выделяемую внутреннюю форму, господствующей, по свидетельству Х. Моллера,²⁰ в китайском языке и, по данным Е. Розеновича,²¹ в исландском языке, то пополнение словарного состава русского языка за счет иноязычных заимствований представляется таким же правомерным процессом, как и его обогащение за счет оригинального словопроизводства. Эта мысль подкрепляется также высказыванием Л. П. Якубинского, основанном на изучении

¹⁷ Объяснения взяты из КЭС.

¹⁸ Этот вопрос рассматривается более подробно в нашей статье «Entlehnungen aus den germanischen Sprachen im russischen Wortschatz», в «Zeitschrift für Slawistik» 1962, Bd. VII, H. Nr. 5.

¹⁹ Э. Сэпир, Язык. М., 1934, стр. 153—154.

²⁰ Christen Møller, Zur Methodik der Fremdwortkunde. Acta Jutlandica V, I, København, 1933, стр. 16—21.

²¹ Е. Розенович, Освоение языком иноязычных заимствований. Автореферат. М., 1954.

заимствований: «В значительной степени словарное заимствование есть, в условиях междуязыковых сношений, продолжение на инородном языковом материале, лексических отношений и тенденций, существующих в данном заимствующем языке, проявляющихся также на собственном материале этого языка»...²²

Таким образом, приходится решительно возразить тем авторам, которые ратуют за изгнание из русского языка по возможности всех лексем иноязычного происхождения²³, в том числе и интернационализмов, ибо такое стремление идет в разрез с господствующей в языке тенденцией. Но, вместе с тем, нельзя проходить и мимо таких фактов, когда следование господствующей в языке тенденции (в данном конкретном случае — тенденции немецких многосложных слов разлагаться на значащие элементы, порождающей необходимость замены заимствований неологизмами из исконного материала) облекается в форму дискриминации других языков, используется для пропаганды некой самодовлеющей культуры, т. е. ставится на службу порочной политической концепции, как это было во времена пресловутого «Общенемецкого языкового союза» и в период фашистской диктатуры в Германии.

*

В настоящей небольшой статье была сделана попытка расшифровать принцип конкретно-исторического подхода к языковым явлениям применительно к изучению заимствованной лексики, причем эта расшифровка отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту. Остается лишь выразить надежду, что эта попытка внесет некоторый вклад в разработку проблем, связанных с исследованием русских лексем иноязычного происхождения.

Поступила в редакцию
21. III 1962

²² Л. П. Якубинский, Несколько замечаний о словарном заимствовании. Сб. «Язык и литература», т. I, вып. 1—2, Л., 1926, стр. 1.

²³ П. Назарян, О лексических заимствованиях и чистоте языка. «Октябрь» 1956, № 10.